DOI: 10.31857/S013038640016180-6

© 2021 г. **В.А. БОНДАРЕВ, О.И. РУДАЯ**

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКОГО ГОЛОДА 1932—1933 годов

Бондарев Виталий Александрович — доктор исторических наук, профессор факультета Медиакоммуникаций и мультимедийных технологий Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail:vitalijj-bondarev27@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4558-3564

Рудая Ольга Ивановна — кандидат исторических наук, доцент факультета Медиакоммуникаций и мультимедийных технологий Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: oiru2011@yandex.ru ORCID: 0000-0001-8955-121X

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных аспектов проблемы голода 1932— 1933 гг. в Советском Союзе — реакции международной общественности и правительств зарубежных государств на эту трагедию. Изложены факты, доказывающие, что сталинскому режиму не удалось скрыть информацию о голоде в коллективизированной деревне и предотвратить вспыхнувшее на Западе возмущение по поводу массовой гибели советских граждан. Авторы отмечают, что негативная реакция со стороны мировой общественности осуществлялась как в форме освещения тяжелого положения крестьян-колхозников в прессе, так и организации материальной помощи «братьям по крови», имевшим родственников за рубежом. Установлено, что одним из результатов трагических событий 1932—1933 гг. стало ухудшение внешнеполитических позиций СССР и осложнение его отношений с нацистской Германией. Основной акцент сделан на характеристике положения и настроений советских немцев, которые представляли собой самую крупную диаспору на территории РСФСР. По сути, они оказались своеобразными заложниками сложной динамики советско-германских отношений в 1933 г. В работе использованы ранее не введенные в научный оборот архивные материалы, в частности письма советских немцев о продовольственной и денежной помощи, адресованные заграничным родственникам. Важным результатом исследования является раскрытие пропагандистской кампании «Ответ фашистским клеветникам», которая не только создала благоприятный для сталинского руководства информационный фон, но и позволила апеллировать к мнению советских немцев в противостоянии с зарубежной общественностью. Обосновано авторское мнение о том, что прямым следствием внешнеполитических осложнений, вызванных голодом 1932-1933 гг., стало усиление недоверия правительства СССР к советским немцам, что повлияло на их судьбу в дальнейшем.

Ключевые слова: голод 1932—1933 гг., коллективизация, колхозы, немцы-колхозники, советские немцы, советско-германские отношения.

V.A. Bondarev, O.I. Rudaya

Foreign Policy Aspects of the Soviet Famine of 1932–1933

Vitaly Bondarev, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: vitalijj-bondarev27@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4558-3564

Olga Rudaya, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: oiru2011@yandex.ru ORCID: 0000-0001-8955-121X

Abstract. The article examines one of the least studied aspects of the Soviet famine of 1932–33, namely the reaction of the international community and foreign governments to this tragedy. Facts are presented that prove that the Stalinist regime failed to conceal information about the famine in the collectivized village and prevent the outrage that broke out in the West over the mass death of Soviet citizens. The authors note that the negative reaction from the international community came in the form of both coverage of the plight of farmers in the press, and the organization of material assistance to those of them who were "blood brothers" and had relatives abroad. It was found that one of the results of the tragic events of 1932-1933 was the deterioration of the foreign policy positions of the USSR and the complication of its relations with Nazi Germany. The article's main focus is on the characteristics of the situation and attitudes of the Soviet Germans, who were the largest Diaspora in the territory of the RSFSR. They were a kind of hostage to the complex dynamics of Soviet-German relations in 1933. The study is based on archival materials not previously introduced into scholarly circulation, in particular, letters from German citizens about food and monetary assistance addressed to their compatriots abroad. An important result of the research is the disclosure of the propaganda campaign "Response to fascist slanderers", which not only created a favourable information background for the Stalinist leadership but also allowed to appeal to the opinion of Soviet Germans in the confrontation with the foreign public. The authors believe that the direct consequence of foreign policy complications caused by the famine of 1932–1933 was the strengthening of the Soviet government's distrust of the Soviet Germans, which affected their fate in the future.

Keywords: famine of 1932–1933, collectivization, collective farms, German collective farmers, Soviet Germans, Soviet-German relations.

Трагические события 1932—1933 гг., замалчиваемые в советскую эпоху, ныне уже не принадлежат к числу табуированных. Со времен перестройки и затем в постсоветской России они освещались многократно и под разными углами зрения, но интерес к ним не уграчен и сегодня.

Несмотря на то, что голоду 1932—1933 гг. посвящена обширная научная литература, ряд связанных с событиями тех лет тем нуждается в дальнейшем изучении, в том числе внешне-политический аспект. Каким было восприятие голода в советской коллективизированной деревне западной общественностью, как сильно эта трагедия повлияла на международные позиции СССР, как зарубежные отклики на события 1932—1933 гг. корректировали внутри-политический курс советского руководства — все эти вопросы нашли лишь фрагментарное отражение в немногочисленных публикациях российских историков¹.

¹ См., например: *Бабиченко Л*. Дипломатические игры (Голод 33-го года и немцы Поволжья) // Волга. 1995. № 5–6. С. 35–40; *Мозговая О.С.* Этнические немцы СССР как фактор советскогерманских отношений (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; *Егорова М.В.* Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни, 1918 – 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; *Кондрашин В.В.* Западная пресса о голоде и ситуации в сельском хозяйстве СССР в 1933 г. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 3–5 октября 2013 г. / отв. ред. А.И. Шевельков. Коломна, 2013. С. 552–556; *Его жее.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М., 2014.

Ведущий специалист по проблеме «второго советского голода» В.В. Кондрашин справедливо утверждает, что международная реакция на эти события является «совершенно неизученным аспектом истории сталинизма»².

Поскольку оглашение факта голода было напрямую связано с признанием негативного влияния сплошной коллективизации на сельское хозяйство СССР, партийное руководство не желало огласки. С прямой подачи И.В. Сталина голод 1932—1933 гг. был засекречен, никакие упоминания о нем в советской печати не допускались, а общая ситуация в деревне всячески приукрашивалась. Показательным является выступление Генерального секретаря ЦК ВКП(б) на первом Всесоюзном съезде колхозниковударников, проходившие в феврале 1933 г. В своей речи он уверенно заявил, что «в сравнении с теми трудностями, которые пережили рабочие лет 10—15 тому назад, ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой... о них не стоит даже серьезно разговаривать» Тогда же, в феврале 1933 г., И.В. Сталин потребовал «воспретить» иностранным журналистам «разъезжать по СССР» поскольку они рассказывали своим читателям о тяжелейшем положении в колхозной деревне и тем самым прорывали установленную советским правительством информационную блокаду.

Однако зарубежная общественность и правительства иностранных государств знали о продовольственных бедствиях в Советском Союзе и активно откликались на них. Эта реакция осуществлялась по двум основным направлениям: через освещение в средствах массовой информации тяжелого положения советских крестьян, вне зависимости от их национальности, и посредством организации кампаний по оказанию материальной помощи соотечественникам («братьям по крови»), проживавшим в СССР и страдавшим от голода.

Одним из первых западных журналистов, написавших о трагедии 1932—1933 гг. в Советском Союзе, являлся корреспондент английской газеты «Гардиан» М. Маггеридж, который без разрешения советских властей побывал на Украине и Северном Кавказе и переправил свои публикации в Великобританию дипломатической почтой, тем самым избегнув цензуры. В статье, опубликованной в марте 1933 г., основываясь на собственных впечатлениях, он утверждал, что «весь ужас большевистского режима виден, прежде всего, в деревне... Поезжайте на Украину или на Северный Кавказ. Когда-то это были одни из самых богатых и плодородных районов России. А сейчас вы увидите там пустыню» 5.

Соотечественник М. Маггериджа — философ и публицист А. Кёстлер, проживший в СССР год (с середины 1932 до середины 1933 г., в Харькове и Москве), не менее ярко обрисовал суровую картину жизни в стране: «Я видел опустошительное действие голода 1932—33 гг. на Украине, толпы оборванцев, целыми семьями нищенствующих на вокзалах, женщин, протягивающих к окнам вагонов своих голодных детей, похожих на заспиртованных эмбрионов, с конечностями как барабанные палочки, с большими головами, с впалыми, как у черепа, глазищами и вздутыми животами, стариков с обмороженными пальцами, торчащими из драных ботинок». Сопровождавшие Кёстлера лица объясняли, что «все это кулаки, противостоящие коллективизации, враги народа, предпочитающие собирать милостыню и не работать» 6. Подобную ситуацию наблюдали

² Кондрашин В.В. Западная пресса о голоде и ситуации в сельском хозяйстве СССР в 1933 г... С. 552.

³ Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 243, 244.

⁴ Записка И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову о запрещении поездок иностранных корреспондентов по СССР. Не ранее 19 февраля 1933 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930—1933 /отв. ред. И. Зеленин. М., 2001. С. 645.

⁵ Там же. С. 552-553.

⁶ Улановская М.А. Свобода и догма: жизнь и творчество Артура Кёстлера. URL: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya Koestler/index.htm (дата обращения: 04.02.21).

и другие представители западной интеллигенции, находившиеся в это время в Советском Союзе.

Следует подчеркнуть, что наряду с резко критическими публикациями в зарубежной прессе печатались и статьи, в которых положение в СССР описывалось позитивно: голод в них не упоминался, но превозносились успехи индустриализации и большевистской модернизации в целом. Таковы были публикации корреспондента «Нью-Йорк Таймс» У. Дюранти, редактора канадской «Ванкувер Сэн» Р. Кроми, председателя английского Союза торговых служащих Д. Джэггера и других⁷.

Сложно сказать, насколько авторы хвалебных заметок о Советском Союзе, умалчивавших о трагедии коллективизированной деревни, были чистосердечны. Вполне возможно, что они не знали о широких масштабах голода и считали отдельные «продовольственные затруднения» приемлемой ценой успеха сталинского «большого скачка». Обоснованным представляется и мнение о том, что «ряд западных СМИ могли получать финансовую поддержку СССР и печатать соответствующие материалы об "успехах пятилеток"» 8.

Более искренними выглядят публицисты, писавшие о страданиях крестьян и массовых смертях от голода в советской деревне. В зарубежной прессе «приводилась в целом достоверная информация о масштабах голода в СССР, поскольку в большинстве своем она основывалась на надежных источниках», таких как свидетельства побывавших в Советском Союзе иностранных журналистов и специалистов, рассказы бежавших из страны советских крестьян, письма голодающих своим родственникам за границей⁹.

Вместе с тем и эти публикации едва ли абсолютно объективны, в них чувствуется стремление сгустить краски, демонизировать большевиков и подвергнуть сомнению избранный советским государством путь социалистического строительства. Достаточно указать на приведенное выше заявление М. Маггериджа о превращении к 1933 г. в «пустыню» Украины и Северного Кавказа, что не вполне соответствовало действительности: хотя голод здесь был ужасен, он свирепствовал не повсеместно. В Северо-Кавказском крае голодали не все районы и села (по имеющимся данным, «продовольственные затруднения» имели место в 47 из 75 зерновых районов) 10, и в наименее пострадавших из них уже весной 1933 г. прошла посевная кампания.

В любом случае появлявшиеся в западной прессе статьи и заметки о тяжелом положении советских колхозников и единоличников наносили определенный удар по имиджу государства, но они не представляли серьезную опасность для его международных позиций. Подобные публикации основывались на сравнительно немногочисленных свидетельствах, и поэтому советские официальные лица с легкостью трактовали их как бездоказательные и лживые измышления ненавистников СССР, и это выглядело тем более весомо, что часть зарубежных журналистов не подтверждала распространения голода в советской деревне и восторженно писала об успехах сталинской модернизации.

Следует отметить и то, что западные обыватели в большинстве своем не особенно переживали о судьбе русских крестьян, воспринимая их абстрактно как жителей далекой незнакомой страны. В начале 1930-х годов многие американцы даже об И.В. Сталине имели весьма смутное представление. Не случайно американский издатель Р. Лонг, уговаривавший в 1931 — начале 1932 г. М. Горького написать и опубликовать в США книгу о Советском Союзе, вопрошал «буревестника революции»: «Мне кажется, что Сталин прежде всего должен был бы [в книге] сказать людям Соединенных Штатов нечто о себе самом. Что такое — Грузин? У нас есть штат, называемый Грузия (Джиорджия), и когда говорят о Грузине[,] мы думаем, что это человек из этого штата. Очень часто, когда я

⁷ Кондрашин В.В. Западная пресса о голоде и ситуации в сельском хозяйстве СССР в 1933 г... С. 555.

⁸ Там же. С. 556.

⁹ Там же. С. 554.

¹⁰ Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008 С. 172.

говорил [знакомым американцам] о Сталине как о грузине, мне возражали: "Но я не знал, что он — американец!"» 11 .

Иная ситуация складывалась с «братьями по крови», проживавшими в Советском Союзе и ставшими жертвами голода. К началу 1930-х годов в СССР продолжали существовать сложившиеся задолго до советской эпохи диаспоры. По переписи 1926 г., только на территории РСФСР проживало 19,8 тыс. поляков, 18,6 тыс. болгар, 50,6 тыс. греков. Самая крупная немецкая диаспора насчитывала 755,2 тыс. человек, и они занимали пятое место в России по численности после русских (72,7 млн), украинцев (6,9 млн), татар (2,8 млн) и мордвы (1,3 млн)¹². Немецкие поселения располагались на Волге, где в 1923 г. была создана автономная Республика немцев Поволжья, на Дону, Кубани и Ставрополье, которые с 1924 г. объединились в границах Северо-Кавказского края, на Кавказе и в других регионах РСФСР, а также немцы проживали на Украине, в Казахстане и т.д.

Сплошная коллективизация не обошла стороной этих представителей немецкой диаспоры, их колонии превратились в колхозы, и их также коснулись продовольственные трудности, возникшие в условиях голода. В Республике немцев Поволжья массовый голод «вспыхнул уже в ноябре-декабре 1932 г. и достиг ужасающих размеров весной и летом следующего года», избыточная смертность в это время составила здесь не менее 45,3 тыс. человек, многие из которых, очевидно, погибли от голода 13.

По правомерному замечанию В.В. Кондрашина, «голод в равной степени затронул селения с русским и нерусским населением и не имел "национальной специфики", то есть направленности против какого-то одного народа», в этой связи безосновательны встречающиеся в литературе заявления о том, что «в Республике немцев Поволжья больше всего оказались поражены голодом немецкие поселения» ¹⁴. Источники позволяют уверенно утверждать, что среди 5—7 млн жертв голода ¹⁵ было много русских, украинцев, немцев, казахов и представителей иных народностей.

Вместе с тем в сравнении с колхозниками и единоличниками других национальностей немцы в период голодных бедствий оказались в более выгодном положении: имеющие родственников за рубежом (в Германии и Австрии) обратились к ним за помощью, живописуя в своих письмах страдания от недостатка продовольствия, наблюдаемые голодные смерти односельчан, отсутствие поддержки со стороны властей.

Сотрудники ОГПУ, подчеркивая масштабность этой переписки, отмечали факт «восстановления и значительного расширения связей [советских немцев] с заграницей в целях апеллирования к защите "германской общественности"» ¹⁶. Тон писем, согласно сводкам ОГПУ, был весьма мрачным: «Я колхозник, не имея крова, живу с семьей под открытым небом, без куска хлеба, голодный и холодный»; «наша страна голодает, все мы обречены на голодную смерть, если возможно, пришлите хлеба»; «весь хлеб у меня забрали, дети опухли»; «я был осужден к 10 годам. Здесь от голода умерло много людей. Помогите, чтобы не умереть»; «у Вас есть еще справедливость и твердое правительство,

¹¹ Переписка И.В. Сталина с М. Горьким (1932 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 719. Л. 24.

 $^{^{12}}$ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 80-81.

¹³ Герман А. Обращаясь к статистике (Голод 33-го года и немцы Поволжья) // Волга. 1995. № 5–6. С. 33.

¹⁴ Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 годов... С. 188—189.

¹⁵ Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 119; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов... С. 192; Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР. М., 2009. С. 243; Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М., 2011. С. 419.

¹⁶ Политдонесения, докладные записки, информация политотделов Северо-Кавказского края в Политсектор краевого земельного управления (11 июля – 26 ноября 1933 г.) // Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

не допускайте у себя коммунизма. У нас очень печально. Село выполнило 6 000 ц.[ентнеров] хлебозаготовки и к рождеству не имеет хлеба» 17 .

Призывы о помощи оказавшихся под угрозой голодной смерти немцев, обращенные к западной (прежде всего, германской и австрийской) общественности, создавали для правительства СССР внешнеполитические проблемы. Очень скоро положением советских немцев заинтересовались не только зарубежные родственники, которые по мере сил помогали продуктовыми посылками и денежными переводами, но и общественные организации. Сотрудники ОГПУ, внимательно следившие за контактами своих граждан с зарубежьем, называли среди таковых «Союз заграничных немцев», «Комитет помощи голодающим немцам в России» («Всегерманский комитет помощи голодающим»), германское религиозное общество «Лютер-бунд», Лютеранское религиозное общество в Аргентине, а также «Феррейн Ауслан Дейче», который, по утверждениям чекистов, представлял собой «правительственный комитет в Германии» В. Кроме того, как следовало из отчетов органов госбезопасности, с советскими немцами пыталась наладить связь действовавшая в Германии белогвардейская организация «Русских национал-социалистов» В.

Тяжелое положение проживавших в СССР немцев привлекло внимание германской политической элиты, включая президента Пауля фон Гинденбурга и канцлера Адольфа Гитлера. Для А. Гитлера и его национал-социалистской партии, пришедших к власти в январе 1933 г., трагические события в Советском Союзе были истинным подарком судьбы. Своим участием и заботой о положении советских немцев фюрер осуществлял две цели, весьма важные для него самого и для возглавляемого им политического режима. Во-первых, он подкреплял свой престиж вождя германской нации и повышал кредит нацистской партии. Во-вторых, таким образом под удар попадали немецкие коммунисты и СССР как центр «международного пролетарского движения», представляемые злодеями, готовыми ради абстрактных идеалов уморить голодом миллионы людей.

В 1933 г. общественные деятели и официальные лица Германии и Австрии во всеуслышание заговорили о бедах советских немцев, опираясь на многочисленные свидетельства «братьев по крови», в первую очередь на поток поступавших из СССР писем с мольбами о помощи. Все это шло вразрез с планами сталинского руководства и закономерным образом привело к нарастанию напряженности во взаимоотношениях Советского Союза и Третьего рейха, достигшей пика весной-летом 1933 г.

2 марта 1933 г. А. Гитлер, выступая в берлинском Дворце спорта, безапелляционно заявил о том, что голод в СССР унес многие тысячи жизней. Советская сторона не оставила такой демарш без последствий, и 7 марта народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов, вызвав к себе германского посла Г. фон Дирксена, выразил ему решительный протест против «оскорбительной оценки нашего внутреннего положения». Аналогичный протест в тот же день был высказан полномочным представителем Советского Союза в Германии Л.М. Хинчуком немецкому министру иностранных дел К. фон Нейрату²⁰.

Следующий раунд противоборства пришелся на начало лета 1933 г.: 7 июня в Берлине в книжном магазине на Белльалленплац, 6 была проведена выставка «голодных» писем советских немцев, в которых они «сообщали близким в Германии о своем истинном положении и голоде в стране» ²¹. На следующий день Л.М. Хинчук, добившись встречи с государственным секретарем Германии Б. фон Бюловым, выразил ему энергичный протест по поводу выставки и сожаление о том, что подобные акции осложняют

¹⁷ Там же. Л. 55.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 56.

²⁰ Бабиченко Л. Указ. соч. С. 36.

²¹ Там же. С. 36.

советско-германские отношения. Как можно заметить, посол был настроен на примирение. В своем письме в Москву он высказывал предположение, что выставка «голодных» писем стала ответом нацистов на радиопропаганду СССР, и советовал либо в корне реорганизовать эту службу, либо вовсе прекратить ее деятельность²².

Примечательно, что сотрудники советского посольства в Берлине признавали подлинность некоторой части выставленных на Белльалленплац «голодных» писем и не сомневались в факте голода в СССР. По долгу службы они не озвучивали этого в официальных разговорах с германской стороной, но в своих донесениях в Москву рекомендовали ужесточить цензуру на почте и ликвидировать утечку информации о голодных бедствиях за пределы страны²³.

Одновременно с этим дипломаты продолжали добиваться закрытия выставки, настойчиво утверждая, что она являет собой «образец антисоветской пропаганды» и дезинформации общественного мнения в Германии. В итоге 17 июня выставка прекратила свою работу. Исследователи полагают, что ее скорое закрытие стало результатом не столько напористости советского полпредства, сколько неких взаимных уступок между правительственными кругами СССР и Германии²⁴. Однако подобный вывод не кажется достаточно убедительным, поскольку менее чем через месяц отношения между Советским Союзом и Третьим рейхом вновь обострились, и причиной тому явилось диаметрально противоположное восприятие голода и его последствий.

В июле 1933 г. в Германии развернулась кампания по поддержке голодающих в СССР немцев, которая по своим масштабам превосходила все аналогичные акции, предпринимавшиеся ранее. В интерпретации советской прессы это выглядело следующим образом: «Германская печать, находящаяся под контролем национал-социалистов, проводит за последнее время в организованном порядке систематическую резкую кампанию лжи и клеветы против СССР под предлогом "помощи немцам в СССР". В этой кампании под руководством национал-социалистской партии принимают активное участие "Союз заграничных немцев" и церковные организации. Печать помещает воззвания этих организаций и статьи, в которых сообщаются клеветнические небылицы и выдумки о "голоде" и "ужасах", переживаемых якобы немцами в СССР...»²⁵.

«Народный союз немцев за границей» опубликовал 1 июля воззвание, в котором прямо обвинял сталинское руководство в сознательном «вымаривании голодом немецкого меньшинства» и призывал спасти его представителей от массовой гибели. С этой целью на 7 июля в берлинском Люстгартене была назначена демонстрация солидарности, а на 9 июля — проведение германским Красным Крестом сбора пожертвований в пользу голодающих немцев СССР. Высший совет евангелической церкви также обратился к пасторам с просьбой напоминать прихожанам во время богослужений о бедах «немецких братьев» в России и о пожертвованиях ради их спасения. З июля в Берлине прошел митинг, участники которого держали плакаты с надписями «Путь немцев в СССР — это путь к смерти» 26. По призыву папы римского Пия XI к кампании присоединились и немецкие католики 27.

Неуклонно возраставший в Германии в начале июля 1933 г. накал антисоветских заявлений и акций, явно подогреваемый нацистским режимом, заставил советских дипломатов с удвоенной энергией предпринимать контрмеры. Полпред Л.М. Хинчук требовал у германских официальных лиц свернуть «враждебную кампанию» и отменить

²² Там же. С. 36-37.

²³ Там же. С. 37.

²⁴ Там же.

²⁵ Антисоветская кампания германского фашизма // Социалистическое земледелие. 11.VII.1933.

²⁶ *Бабиченко Л*. Указ. соч. С. 37.

²⁷ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки... С. 258.

намеченный на 7 июля митинг в Берлине, обещая в противном случае организовать в Москве в тот же день контрдемонстрацию с антифашистскими лозунгами. Заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский, вызвав к себе германского посла, назвал «клеветническими» утверждения о вымирании от голода немецкого населения в Советском Союзе и заявил, что ни одна продуктовая посылка, «отправленная на собранные 9 июля деньги, не будет ... пропущена в СССР»²⁸.

Австрия также не осталась в стороне от кампании в защиту и поддержку советских немцев. 16 июля в официальном венском издании «Рейхспост» появилась статья «Массовая смерть шагает по России», подписанная секретарем конгресса нацменьшинств Э. Амменде, который полагал, что голод на Волге, Украине, Северном Кавказе своей наивысшей точки достигнет к зиме 1933—1934 гг. В целях предотвращения его тяжелейших последствий публицист призывал организовать по образцу кампании Нансена 1921 г. международную помощь голодающим советским гражданам под руководством Красного Креста и под контролем правительства СССР²⁹.

Ни Германия, ни Советский Союз не желали обострения отношений, и был достигнут определенный компромисс. А. Гитлер отменил намеченную на 7 июля демонстрацию в Берлине ³⁰. Однако, сохраняя лицо, германские власти все-таки провели акцию в поддержку советских немцев в тот же день, но в Мюнхене. На демонстрации выступали представители «Союза заграничных немцев» и национал-социалистской партии, из уст которых звучали весьма нелестные заявления в адрес СССР. 9 июля в Берлине состоялся запланированный кружечный сбор в пользу «братьев по крови», голодающих в Советском Союзе, причем свои пожертвования внесли лично «президент Гинденбург и рейхс-канцлер Гитлер» ³¹.

На некоторые уступки пошли и советские власти. В частности, они разрешили денежные переводы из Германии через фирму «Фаст и Бриллиант» с целью закупки в «Торгсине» продуктов для немцев, оставив за собой право следить за общей суммой переводов и «за тем, не вызывает ли это злорадных выступлений враждебных нам кругов» ³².

Помимо этого, правительство СССР занялось подготовкой достойного ответа на проходившую в Германии кампанию по поддержке «братьев по крови» и осуждению коммунистов. «На кону стоял престиж СССР как оплота социализма, и Сталин это понимал» ³³.

С середины июля 1933 г. в советской прессе начался массированный «ответ фашистским клеветникам» с целью продемонстрировать гражданам СССР и мировой общественности, что у советских немцев дела с продовольственным обеспечением, работой и перспективами на будущее обстоят как нельзя лучше. В целом ряде июльских номеров газеты «Социалистическое земледелие» — печатного органа Народного комиссариата земледелия СССР, Колхозцентра СССР, Зернотреста и Наркомзема РСФСР — были опубликованы рассказы немецких колхозников об их хорошей жизни в Советском Союзе.

Практически все напечатанные письма и сообщения были построены по единому принципу: немцы-колхозники выражали возмущение «лживыми заявлениями фашистов о голоде в СССР», настойчиво доказывали, что по итогам 1933 г. у них будет достаточно продовольствия, клялись в верности советскому правительству, ВКП(б) и лично И.В. Сталину, отказывались от германской помощи и заявляли, что ответят на «наглую клевету германских фашистов» ударным трудом и досрочным выполнением государственных заданий

²⁸ *Бабиченко Л.* Указ. соч. С. 37, 38.

²⁹ Антисоветская кампания «Рейхспост» // Социалистическое земледелие. 20.VII.1933.

³⁰ *Бабиченко Л*. Указ. соч. С. 38.

³¹ Антисоветская кампания германского фашизма // Социалистическое земледелие. 11.VII.1933.

³² *Бабиченко Л.* Указ. соч. С. 38.

³³ Баберовски Й. Выжженная земля. Сталинское царство насилия. М., 2014. С. 144.

по хлебопоставкам. Подобная стереотипность убедительно свидетельствует о том, что развернутая в советской прессе «петиционная кампания» в опровержение «клеветнических измышлений фашистов» не являлась (в большинстве случаев) инициативой самих немцев-колхозников, а была организована партийными комитетами и агитационнопропагандистскими органами.

Выразив обязательные слова возмущения в адрес «германских фашистов», советские немцы утверждали, что их повседневному меню могут позавидовать рабочие и крестьяне Германии, подвергавшиеся жесточайшей эксплуатации со стороны помещиков и капиталистов. По словам Анны Вайман — колхозницы сельхозартели им. Карла Маркса Гнаденбургской МТС (Кабардино-Балкария), «нет того дня, чтобы не было у нас на завтрак кофе, чая с молоком, хлеба с маслом. На обед — борщ или суп, мясо, картошка в масле. На ужин — опять суп, кофе, каша... И это ведь самые неважные дни. А ведь яйца, масло, птица, сыр, творог, сметана, фрукты — ведь все это имеет каждый из нас. А вино? И это смеют называть голодом немцев-колхозников?» ³⁴.

С этой же целью практически в каждой публикации приводились впечатляющие цифры о количестве продуктов, которые получат члены немецких колхозов как оплату выработанных ими трудодней, и их авторы словно соревновались между собой, кто назовет наибольший размер натуральной оплаты трудодней. Немцы-колхозники села Мангейм (Республика немцев Поволжья) уверяли: «После выполнения всех обязательств и создания семенного фонда для колхозников останется 3.584 цент., или 5 кило на трудодень. На каждого едока придется 9 цент. Этого хватит каждому не только на питание: он может излишки продать на колхозном базаре» 35. По словам немецкого населения Спартаковского района Одесской области Украинской ССР, «на каждый трудодень в этом году колхозник получит в среднем 9,5 килограммов хлеба, 4 литра вина, по 5 руб. деньгами и разные огородные культуры... Это дает нам полное право утверждать, что мы обеспечим колхозникам нашей артели зажиточную жизнь»³⁶. Колхозники села Фрейдорф (Республика немцев Поволжья) писали: «Мы соберем со своих полей не меньше 20 тыс. центнеров хлеба. Из них мы сдадим установленное количество государству, уплатим свои долги (семенные, фуражные ссуды), рассчитаемся с МТС, создадим фонд для учителей и школы, для детских яслей и нетрудоспособных. После этого останется на каждый трудодень не меньше 12 килограммов зерна. Прилежный колхозник зарабатывает от 300 до 500 трудодней. Итак, каждый может убедиться, можно ли назвать нас бедными»³⁷. В отдельных, особо выдающихся публикациях размеры выдач на трудодень вырастали до 20-21 кг зерна!³⁸

Нетрудно заметить, что во всех процитированных заявлениях советской «петиционной кампании» июля 1933 г. содержался немалый элемент лукавства. Прежде всего, авторы публикаций ничего не говорили о «продовольственных затруднениях» 1932 г. и голоде зимой-весной 1933 г. Речь шла исключительно о хороших видах на урожай 1933 г., соответственно советская печать как бы не искажала реальность, обходя сложные вопросы стороной. При этом восхищенные утверждения о высоких ставках оплаты трудодней сами по себе ничего не значили. С 1933 г. размер госпоставок и натуроплаты МТС определялся по видовой урожайности (предполагаемое количество зерна, еще не

 $^{^{34}}$ Немцы-колхозники из артели им. Карла Маркса о своем житье-бытье // Социалистическое земледелие. 24.VII.1933.

³⁵ Проведем уборку без потерь, досрочно завершим хлебосдачу // Социалистическое земледелие. 16.VII.1933.

³⁶ Колхозники-немцы безгранично доверяют Коммунистической партии во главе с тов. Сталиным // Социалистическое земледелие. 15.VII.1933.

 $^{^{37}}$ Мы уже в этом году осуществляем лозунг о колхозной зажиточности // Социалистическое земледелие. 14.VII.1933.

³⁸ Немцы-колхозники из артели им. Карла Маркса о своем житье-бытье // Социалистическое земледелие. 24.VII.1933.

убранного с полей), которая существенно отличалась от урожайности амбарной (количества фактически собранного и складированного зерна) и не учитывала потери при уборке, транспортировке, обмолоте и хранении зерна, доходившие иногда до 50%. Оплата трудодней производилась по остаточному принципу, о чем говорилось и в письме колхозников села Фрейдорф. Только после сдачи хлеба по обязательным поставкам государству и возвращения ему семенных и фуражных ссуд, натуральной оплаты работы МТС, засыпки внутриколхозных фондов крестьяне могли получить продукты и деньги за выработанные ими дни. Часто после выполнения перечисленных условий на трудодни оставалось лишь небольшое количество продуктов, поэтому приведенные выше заявления о высоком уровне оплаты труда сравнимы с «журавлем в небе».

Логическим завершением писем были выражение безграничного доверия советскому правительству и отказ от германской помощи. Колхозники артели «Рот Фельд» Харьковской области Украинской ССР утверждали: «Советский Союз — наша Родина и всякую помощь извне мы отклоняем. У нас достаточно хлеба. Мы готовы оказать пролетарскую помощь жертвам германских фашистов, мы бросаем им вызов: поддержите миллионы безработных германских пролетариев! Не допускайте, чтобы их дети голодали!» Подчеркивая отсутствие у них каких-либо трудностей, немцы для усиления эффекта звали желающих посетить их коллективные хозяйства: «Мы приглашаем германских безработных и рабочих прислать в наш колхоз 15 детей, которых мы беремся полностью содержать и хорошо воспитывать... Нам нужна рабочая сила в колхозе, мы могли бы принять в колхоз и дать работу 20 разорившимся трудящимся крестьянам Германии» 40.

Несомненно, ряд немецких колхозов (в частности, в Кабардино-Балкарии) не столкнулся с ужасами голода 1932—1933 гг. Очевидно и то, что после сравнительно богатого урожая 1933 г. немало немцев-колхозников получили высокую оплату трудодней, тем более что созданные ими сельхозартели и коммуны отличались грамотным ведением хозяйства и часто приводились партийно-советским руководством в качестве примера наиболее успешных колхозов. Но все это не отменяет ярко выраженный агитационнопропагандистский характер «петиционной кампании» 1933 г., звучавшие в ее рамках смелые заявления о «счастливой колхозной жизни» не вполне соответствовали действительности или не соответствовали ей вовсе.

Как отмечают исследователи, к началу августа 1933 г. «острота взаимных нападок МИД Германии и НКИД СССР в связи с голодом среди советских немцев заметно спала», а с осени того же года «в конфиденциальной переписке между внешнеполитическими ведомствами двух стран тема помощи советским немцам постепенно исчезает» ⁴¹.

Однако внешнеполитические осложнения, связанные с «продовольственными затруднениями» 1932—1933 гг., не были забыты сталинским руководством. Дипломатический конфликт весны-лета 1933 г. оказал серьезное влияние на внутреннюю политику советского государства. Правительство СССР, памятуя об ошибках, позволивших европейским и американским дипломатам и журналистам нарушить информационную блокаду касательно голода, с возросшей активностью продолжило курс на ограничение иностранного присутствия в стране. Помимо усиления контроля за передвижениями иностранцев по Советскому Союзу были предприняты меры по сокращению их численности.

Присущие советским властям опасения, что иностранные граждане будут разглашать засекреченную информацию, следует рассматривать как один из факторов, способствовавших ликвидации зарубежных концессий в СССР. Весьма показательной является судьба германской сельскохозяйственной организации «Друзаг», действовавшей

³⁹ Шарнаель, Штоббе, Перкер, Клейн и др. «Мы готовы оказать пролетарскую помощь жертвам германских фашистов» // Социалистическое земледелие. 15.VII.1933.

⁴⁰ Ответ фашистским клеветникам // Социалистическое земледелие. 14.VII.1933.

⁴¹ *Бабиченко Л.* Указ. соч. С. 38, 40.

на Кубани. Ее сотрудники «слишком много знали о масштабах голода в этой местности, в том числе среди немецких крестьян», и делились этой информацией с германскими журналистами⁴², что, разумеется, было неприемлемо для советского руководства. Концессия «Друзаг» была объявлена «рассадником шпионов Германии» и в конце 1933 г. прекратила свое существование⁴³.

Прямым следствием внешнеполитических осложнений 1932—1933 гг. стало усиление недоверия правительства СССР к советским немцам, многие из которых не приветствовали сплошную коллективизацию и, став колхозниками, возмущались налоговозаготовительной политикой сталинского режима. Изъятие значительной части урожая и мизерные остатки продукции на оплату трудодней вместе с неурожаем привели к голоду, и немало доведенных до отчаяния немцев весьма жестко и негативно высказывались о советских порядках, выражая при этом восхищение и поддержку Германии.

В докладной записке ОГПУ «О политическом состоянии немецких колоний Северо-Кавказского края» от 15 декабря 1933 г. констатировалось: «В немецких колониях края... наблюдаются пангерманская и фашистская агитация» ⁴⁴, успеху которой, очевидно, способствовали как тяжелое положение страдавших от голода немцев, так и приходившая им из Рейха материальная помощь. Советские немцы благодарили соотечественников за поддержку и были готовы выступить на стороне Германии в случае начавшейся войны с Советским Союзом: «Благодарю всех немецких братьев и сестер, что нас не забыли и спасли от голода. Я этого никогда не забуду и если еще в жизни встану на ноги, то чем смогу помогу немецкому отечеству и немецкому народу», «Германия сильна и избавит нас от коммунизма, [разгромит СССР и] даст возможность опять вести свое хозяйство», «[надо] быть готовыми к помощи [германской] родине» ⁴⁵.

Разумеется, немцы были не единственными, кто выражал подобные настроения. Ожидания грядущей войны, последующего поражения коммунистов, ликвидации колхозов и самого СССР были присущи в первой половине 1930-х годов крестьянам и других национальностей. Об этом убедительно свидетельствует огромный массив источников, содержащих высказывания колхозников и единоличников о том, что «Советская власть существует только до войны, а в случае, если война вспыхнет, коммунистов Соввласти свергнут, так как население против них», «надвигается война, скоро Советская Россия будет задавлена сильными странами — Японией и Америкой», и «после этого воцарится на престоле царь» ⁴⁶, «если бы [началась] война, то нас бы забрали [в армию] и дали оружие, я бы сразу стал стрелять не по японцам, а по своим» ⁴⁷, и т.п. Однако именно немцы вызывали у советского руководства наибольшие опасения как потенциальные коллаборационисты, поскольку гитлеровская Германия стремительно превращалась в опасного врага СССР.

Зная о присущих некоторой части немецких колхозников пораженческих настроениях, проявившихся в 1933 г., И.В. Сталин и его единомышленники в правительстве «все более склонялись к мысли, что советские немцы — это "пятая колонна", которая

⁴² Там же. С. 38.

⁴³ *Ерохина О.В.* Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти // Экономическая история. Ежегодник. 2011/2012. М., 2012. С. 130, 136.

⁴⁴ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

⁴⁵ Там же. Л. 57, 64.

⁴⁶ Спецсообщения Полномочного представителя ОГПУ Азово-Черноморского края в Политсектор краевого земельного управления (2—18 апреля 1934 г.) // ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 111. Л. 18, 43.

⁴⁷ Из спецсводки ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю о ходе хлебозаготовительной кампании. 15 сентября 1932 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930—1933 /отв. ред. И. Зеленин. М., 2001. С. 476.

обязательно проявит себя при начале военных действий» 48. Недоверие советских руководителей к проживавшим в стране немцам вылилось в репрессивные акции, наиболее масштабными из которых стали «немецкая» операция НКВД 1937 г. и массовая депортация советских немцев после начала войны с Германией в 1941 г. Таковы были отдаленные последствия внешнеполитических осложнений, порожденных трагедией 1932—1933 гг.

Несмотря на упорное стремление советского руководства установить информационную блокаду, голод начала 1930-х годов стал известен международной общественности и вызвал негативную реакцию за рубежом, способствуя активизации антисоветской пропаганды на Западе, ослабив позиции СССР на мировой арене и нанеся удар по международному коммунистическому движению.

Библиография

Баберовски Й. Выжженная земля. Сталинское царство насилия. М., 2014.

Бабиченко Л. Дипломатические игры (Голод 33-го года и немцы Поволжья) // Волга. 1995. № 5–6. С. 35–40.

Герман А. Обращаясь к статистике (Голод 33-го года и немцы Поволжья) // Волга. 1995. № 5-6. С. 32-35.

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931—1933. М., 2011.

Егорова М.В. Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни, 1918 — 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

Ерохина О.В. Германские сельскохозяйственные концессии Северо-Кавказского края в первые десятилетия советской власти // Экономическая история. Ежегодник, 2011/2012. М., 2012. С. 98—147.

Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930—1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

Ивницкий Н.А. Голод 1932—1933 годов в СССР. М., 2009.

Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

Кондрашин В.В. Западная пресса о голоде и ситуации в сельском хозяйстве СССР в 1933 г. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века: материалы Междунар. науч. практ. конф., 3—5 октября 2013 г. / отв. ред. А.И. Шевельков. Коломна, 2013, С. 552—556.

Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933 гг.). М., 2014.

Мозговая О.С. Этнические немцы СССР как фактор советско-германских отношений (1918—1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 236–256.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5 т. Т. 3. Конец 1930—1933 / отв. ред. И. Зеленин. М., 2001.

Улановская М.А. Свобода и догма: жизнь и творчество Артура Кёстлера. URL: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Koestler/index.htm (дата обращения: 04.02.21).

References

Baberovski J. Vyzhzhennaja zemlja. Stalinskoe carstvo nasilija [Scorched Earth. Stalin's Reign of Violence]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Babichenko L. Diplomaticheskie igry (Golod 33-go goda i nemcy Povolzh'ja) [Diplomatic Games (The Famine of '33 and the Germans of the Volga Region)] // Volga. 1995. № 5–6. P. 35–40. (In Russ.)

Davies R., Wheatcroft S. Gody goloda: Sel'skoe hozjajstvo SSSR, 1931–1933. [The Hunger Years: Agriculture of the USSR, 1931–1933]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Egorova M.V. Povolzhskie nemcy v stremlenii k sohraneniju nacional'noj identichnosti, tradicionnyh ustoev zhizni, 1918–1941 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Volga Germans Striving to Preserve their National Identity, Traditional Foundations of Life, 1918–1941: summary of the Ph. D. thesis]. Saratov, 2006. (In Russ.)

⁴⁸ *Мозговая О.С.* Указ. соч. С. 19.

Erohina O.V. Germanskie sel'skohozjajstvennye koncessii Severo-Kavkazskogokraja v pervye desjatiletija sovetskoj vlasti [German Agricultural Concessions in the North Caucasus Territory in the First Decades of Soviet Power] // Jekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik. 2011/2012 [Economic History. Yearbook. 2011/2012]. Moskva, 2012. P. 98–147. (In Russ.)

German A. Obrashhajas' k statistike (Golod 33-go goda i nemcy Povolzh'ja) [Turning to Statistics (the Famine of 33 and the Germans of the Volga Region)] // Volga. 1995. № 5–6. S. 32–35. (In Russ.)

Ivnickij N.A. Golod 1932–1933 godov v SSSR [Famine of 1932–1933 in the USSR]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Kondrashin V.V. Golod 1932–1933 godov: tragedija rossijskoj derevni [Famine of 1932–1933: tragedy of the Russian Village]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Kondrashin V.V. Hlebozagotovitel'naja politika v gody pervoj pjatiletki I ee rezul'taty (1929–1933 gg.) [Grain Procurement Policy during the First Five-Year Plan and its Results (1929–1933)]. Moskva, 2014. (In Russ.)

Kondrashin V.V. Zapadnajapressa o golodeisituacii v sel'skom hozjajstve SSSR v 1933 g. [Western Press about the Famine and the Situation in Agriculture of the USSR in 1933] // Gosudarstvennaja vlast' I krest'janstvo v XIX – nachale XXI veka: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 3–5 oktjabrja 2013 g. / otv. red. A.I. Shevel'kov [State Power and the Peasantry in the 19th and Early 21st Centuries: materials of the Intern. Scientific-practical Conf., 3–5 October 2013 / ed. A.I. Shevelkov]. Kolomna, 2013. P. 552–556. (In Russ.)

Mozgovaja O.S. Jetnicheskie nemcy SSSR kak factor sovetsko-germanskih otnoshenij (1918–1941 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Ethnic Germans of the USSR as a Factor of Soviet-German Relations (1918–1941): summary of the Ph. D. thesis]. Saratov, 2004. (In Russ.)

Stalin I.V. Rech' na pervom Vsesojuznom s'ezde kolhoznikov-udarnikov. 19 fevralja 1933 g. [Speech at the First All-Union Congress of Collective Farmers-Shockworkers. February 19, 1933] // Stalin I.V. Sochinenija. T. 13 [Works. Vol. 13]. Moskva, 1952. P. 236—256. (In Russ.)

Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. Dokumenty i materialy: v 5 t. 1927–1939. T. 3. Konec 1930–1933 / otv. red. I. Zelenin [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials: in 5 vol. Vol. 3. End of 1930–1933 / ed. I. Zelenin]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Ulanovskaja M.A. Svoboda i dogma: zhizn' I tvorchestvo Artura Kjostlera [Freedom and Dogma: the Life and Work of Arthur Koestler]. URL: http://shhshhshh.jeshhniverse.ru/RED/Ulanovskaja_ Koestler/indeh.htm. (access date: 04.02.2021). (In Russ.)

Zelenin I.E. Stalinskaja "revoljucija sverhu" posle "velikogo pereloma". 1930–1939: politika, osushhestvlenie, rezul'taty [Stalin's "Revolution from Above" after the "Great Turning Point". 1930–1939: Policy, Implementation, Results]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Zhiromskaja V.B. Demograficheskaja istorija Rossii v 1930-e gody. Vzgliad v neizvestnoe [Demographic History of Russia in the 1930s. A Look into the Unknown]. Moskva, 2001. (In Russ.)